

Альбина Журисламова

два рассказа



101

Другой Взгляд

Посреди прихожей торчал чемодан. Огромный, тёмно-красный, с блестящими металлическими замками, толстыми ремнями и массивной ручкой. Едва шагнув за порог, Фанис наткнулся на него взглядом и недоуменно хрюкнул: что ещё за чёрт?! Давным-давно Аида, неизвестно для какой надобности, купила кожаного монстра на распродаже. Вроде бы разумная, практичная женщина, а иной раз такое учудит – туши свет.

Взять хотя бы этот чемодан. Бесполезная трата денег! Всё равно они никуда не ездили, разве что в деревню Урмановку, где доживала свой раздражающе долгий век тётка по отцовской линии Фаниса. Отец умер много лет назад, Мадина-апа приходилась ему двоюродной сестрой. Мать настаивала на обязательных поездках в Урмановку, называя их «контролем ситуации». Других родственников у тётки нет, а дом крепкий и сама Урмановка – недалеко

от города. Есть, в общем, что контролировать.

Заезжая проведать тёткино имущество, чемодан, разумеется, не брали. Так и скучал ненужный сундук на антресолях: Аида хранила в нём какие-то тряпки.

– Адик! – зычно позвал Фанис, разуваясь и пристраивая на вешалку бейсболку. Достал с полки домашние тапочки, оглядел себя в большом зеркале. Отразившийся там круглолицый бровастый мужчина с короткой стрижкой-площадкой был приземист и пузат. Клетчатые шорты до колен и ярко-жёлтая футболка смотрелись на коренастой квадратной фигуре комично, но Фаниса это не беспокоило. Что ещё прикажете носить в такую жару?

– Чего чемодан-то вытащила?

Молчание. Из глубины квартиры доносилось лёгкое гудение душевой кабины, слышался характерный шелест: вода с тихим «п-шшш-сссс» лилась из

широкой круглой насадки на акриловый поддон. «Помыться решила, – сообразил Фанис. – Чего вдруг среди бела дня?»

Он заглянул в комнату, потом двинулся на кухню. Всё как обычно: почти стерильная чистота, каждая вещь строго на своём месте. Сразу видно, что жена работает старшей медсестрой в хирургии. Страсть к чистоте – это Аидина профессиональная болезнь, говаривал Фанис.

Сегодня у неё выходной, наверняка что-то вкусненькое сварганила. Готовит она – ум отъешь! Фанис причмокнул, предвкушая удовольствие. Направился к плите и заглянул в большую зелёную кастрюлю с прозрачной крышкой. Пусто. На всякий случай открыл духовку – тоже ничего. Да и не пахнет едой.

Вода перестала шуметь, и через пару минут Аида вышла из ванной. На ней был светлый лёгкий сарафан с пышной юбкой ниже колен – такие романтические, подчёркнуто женственные фасоны особенно шли жене. Она звонко щёлкнула выключателем, обернулась и увидела Фаниса. Сильно припадая на правую ногу, проковыляла на кухню и вымолвила:

– Привет.

«Чего чемодан-то выволокла? И позвать ничего нету!» – собрался сказать он, но отчего-то промолчал. Было в её облике что-то незнакомое. Чужое. Как себя вести с этой новой женщиной, Фанис пока не знал.

Вроде всё та же: густые, слегка вьющиеся, тёмные волосы, забранные на затылке в пышный «хвост». Открытый чистый лоб. Глазищи – карие, серьёзные, огромные, как чайные блюдца. Лицо тонкое, каждая чёрточка будто нарисована тушью на листе белоснежной бумаги. Красивая женщина: кто на фотографии видел, в один голос восхищались. А встречаясь вживую, отводили взгляд. Жалели – кто её, а кто Фаниса.

Красота-то с горчинкой, подпорченная. Пока жена стоит или сидит – ничего не заметно. Со вкусом подобранная одежда обнимает точёную фигурку – засмотришься. А как сделает шаг...

Аида – инвалид, с рождения хромает. Походка раскоряченная, неуклюжая, с вывертом. Жалко и стыдно наблюдать, как она переставляет ноги.

Но Фанис ничего, привык. Да, дефект, конечно, имеется. Зато хозяйка отменная. И характер хороший: покладистый, спокойный. Вот и мать в последнее время стала всё чаще говорить: ничего, мол, можно с Аидкой жить. В каком-то смысле, даже и хорошо, что хромая: меньше гонору! Иная баба ведь как? Ты ей слово – она в ответ десять! Язык до костей сотрёшь, пока переспоришь. А эта ничего, молчит, не перечит.

Жена присела на табуретку возле двери. От неё, как обычно, пахло чем-то нежным: не то сирень, не то пионы. Фанис знал, это любимые Аидины духи, но как они называются, никогда не интересовался.

Аида сидела, не говорила больше ни слова, только глядела на мужа. Фанис почувствовал, что ещё больше вспотел, по спине побежали противные струйки. Балконная дверь и все окна в квартире были нараспашку, но липкая жара приклеивалась к телу, заставляла поры сочиться влагой.

– Адик, ты чего? Чемодан зачем? Что случилось? – охрипшим голосом выговорил он.

Спросить было нужно, но слышать ответа не хотелось. Наверное, он уже всё знал, хотя и не понял пока, что знает.

– В чемодане мои вещи. Я ухожу от тебя, Фанис, – негромко произнесла Аида, по-прежнему не отводя от него задумчивого, отрешённого взгляда.

– Что случилось? – автоматически переспросил он. Внутри всё как-то оставалось. Щёлк – и выключилось.

Она молчала – уже сказала, что должна была.

– То есть как? Куда? Зачем? – очнувшись, затараторил Фанис, сбиваясь, не понимая, как могло случиться, что они вдруг заговорили об этом.

Аида отвела глаза, едва слышно вздохнула и проговорила, снова ясно и прямо глянув на мужа:



– У меня... появился в жизни человек. И я ухожу к нему. Прости.

– Как же так? – Оцепенение, непонимание и изумление сменились тяжкой, душной обидой. – Вот так у тебя всё просто, да? И ты своему мужу спокойно заявляешь про своего любовника?! «Человек» у неё, видите ли! А я что, не человек? Да ты...

– Перестань, пожалуйста. Не кричи! – остановила его она.

Фанис растерянно замолчал. Он видел: по какой-то причине жена ни капельки не чувствует себя виноватой за измену, за свою неслыханную подлость.

– Прежде чем начнёшь меня обзывать, выслушай. Нет никакого любовника. Можешь не беспокоиться: никто в тебя пальцем не ткнёт, рогиносцем за глаза не назовёт. Я тебе за все годы ни разу не изменила. Хотя про твои шашни с Таней Маловой знала.

Фанис от неожиданности разинул рот. Лицо жарко запылало, словно на него плеснули что-то горячее. Он был уверен, что Аида ни сном, ни духом – и оттого укол оказался в сто раз чувствительнее. Два года назад у него приключился служебный роман. Так, забава. Таточка (её все так звали) тоже воспринимала их необременительную связь как приятное разнообразие. Характер такой – лёгкий. Встречались несколько месяцев, потом спокойно разошлись. Теперь в коридорах пересекались, здоровались, как ни в чём не бывало. Фанис знал, что после него в Таточкиной постели ещё главный инженер побывал, а теперь она с начальником финансового отдела встречается. Подвижная девушка.

– Адик, я, – начал было Фанис, но она усталым жестом прервала его попытки объясниться:

– Оставь. Не нужно этого.

– Нужно! – неожиданно заупрямился он. – Нужно!

Фанис нервничал и не мог заставить себя не дёргаться. Как смеет она так держаться?! Как даются ей эти плавные жесты, этот невозмутимый, чистый

взгляд? Она, она должна сейчас психовать, плакать, смотреть пристыженно, низко склонять голову! Отчего же сидит королевой? Смотрит, как на глупую назойливую муху? Фанис заметался по кухне, снова подскочил к плите, зачем-то глянул вглубь пустой кастрюли, со звоном швырнул крышку на место, скрестил руки на груди, уселся напротив жены. Внезапно он понял, кого она ему напоминает.

У соседа, Вальки Ломакина, на стене висит картина – огромная, в нарядной раме. Ездили с женой куда-то за бугор и приобрели Мадонну с младенцем. Вытянутые к вискам миндалевидные, напоённые печалью глаза, высокий лоб, прозрачная кожа, скорбная складка возле рта – одухотворённое, неземное, нездешнее лицо. И не лицо, а лик.

«Если бы не хромота, ни за что не была бы моей». Эта правда вдруг со всей ясностью открылась Фанису, и он не успел защититься от неё, отогнать прочь от себя.

– Я тебя любил! – выкрикнул он. – Всегда! Даже если и было... Ну, было и было. И прошло. Бывает такое? У всех бывает! Ты и сама поняла, что это так... игрушки. Потому и смолчала, так?

Аида усмехнулась и не ответила.

– Та-а-ак! – сказал за неё Фанис, и собственный голос показался ему тонким и жалостным. – Мы с тобой хорошо жили! Я – всё в дом. Не пью, получаю прилично, не попрекал тебя никогда, хотя... сама знаешь...

– Знаю, – произнесла она и опять усмехнулась непонятной своей усмешкой. Крошечная морщинка тенью пролегла между бровей.

...На прошлой неделе они принимали гостей: приехала из Елабуги старшая сестра Фаниса с мужем. Поздно вечером Аида тихонько вышла на тёмную кухню: вспомнила, что забыла убрать в холодильник мясо по-французски. Фанис с Розой курили на кухонном балконе, увлечённо беседовали о чём-то и не заметили её появления. Услышав своё имя, Аида застыла со сковородой в ру-

ках. Роза мягким сочувствующим голоском рассуждала о нелёгкой Фанисовой доле: легко ли постоянно ловить косые взгляды, муж должен гордиться женой, а не стесняться её. Да и детей у них нет, а ведь сколько уж живут. Не иначе с Аидой и «по-женской» части не всё в порядке!.. Фанис молчал. Аида стояла и ждала, что же он ответит – ждала так, будто от его ответа зависела вся её жизнь. Фанис горестно вздохнул и печально произнёс, что вынужден терпеть, раз взял на себя ответственность, и что у каждого свой крест. Он продолжал говорить ещё какие-то слова в том же духе, но это было уже совсем не важно. Аида бесшумно поставила сковороду обратно на стол и вышла из кухни...

А Фанис нёсся дальше. Схватил из салфетницы клетчатую бумажную салфетку и принялся истово сворачивать.

– Вот видишь, жили мы (загнул уголок), можно сказать, на зависть. А теперь ты берёшь и (загнул второй) всё портишь. Ты, может, отомстить мне решила? Проверить, как яотреагирую? Угадал? – Помахал он перед Аидиным лицом свёрнутым маленьким треугольничком, скомкал его и бросил в раковину. Не попал. Бумажный клубок отскочил и упал на пол.

Она спокойно следила за его манипуляциями. Чуть приподняла брови и ответила:

– Что за ерунда. Никакая это не проверка. И мстить я не собираюсь. Не за что. Не так уж сильно я тогда страдала, чтобы два года молча в себе носить и выстрелить.

– Что это значит – «не сильно страдала»? – ошарашено спросил Фанис.

Хотя ясно понимал, что именно. Знал, что речи нет о мести и проверках. Но всё равно порол какую-то чушь – заваливал, забрасывал неизбежные словами. Как будто можно было похоронить под ними, спрятать то, что его ждало.

– Ладно, но... Я же тебя любил... Люблю то есть... – Это прозвучало по-детски, и Фанису стало неловко: зачем

он цепляется за неё? Захотелось сказать что-то резкое, грубое, обидное. Задеть, чтобы тоже покраснела, смутилась, занервничала, а может, и заплакала. Но вместо этого он потерянно произнёс:

– Раз говоришь, что любовника нет, зачем же тогда...

– Любовника нет, – подтвердила она, глядя на него не то с сочувствием, не то с досадой, – мы друг до друга пальцем не дотронулись. И поговорили... о нас... всего один раз. Вчера.

– Вчера! Нет, вы видели? Вчера! А сегодня она решила меня бросить! – с глупым, неуместным ехидством выговорил Фанис. – Ты, знаешь ли, или полная дура, или меня дурачишь, или уж я не знаю!

– Конечно, не знаешь. Только это дела не меняет. Всё равно ничего у нас с тобой больше не будет.

Окончательность, бесповоротность этой фразы заставила его снова ринуться в атаку. Он всегда так: чем сильнее его старались отбросить, тем крепче цеплялся. В учёбе и работе это помогало, называлось упорством, целеустремлённостью.

– Кто он такой? Этот твой «человек»? – громко и сварливо спросил Фанис.

– Врач. Хирург из нашего отделения, – коротко ответила Аида.

– Ага! Коллега, значит! Стало быть, завели слу... – Он хотел было пройтись насчёт служебно-романтических отношений, но вовремя вспомнил про Тачку и осёкся. Кашлянул и договорил: – И что? Давно это у вас началось?

Она сделала вид, что не заметила заминки.

– Я уже объяснила, ничего не «начиналось». Работали вместе четыре года. А вчера он подошёл и сказал, что ему предложили место в одной клинике, в Тюмени. Спросил, не поеду ли я с ним. В качестве его жены.

– Вот борзота! А ничего, что ты замужем? Он что, не знал?

– Знал, конечно. Поэтому и не подходил раньше. – Её лицо слегка порозовело.

– И вот ты... – задохнулся от негодования Фанис, – после одного только разговора... Пальчиком поманили, и, как шалава последняя, побежала? Декабристкой себя возомнила?

Она пристально, тяжело посмотрела на него и сказала, медленно роняя слова:

– Не надо этого, Фанис. Прошу тебя. Ты пойми, даже если у нас с ним ничего не выйдет... Не смогу я с тобой больше...

– Не сможет она! – Его внезапно прорвало. – А вот я с тобой как-то мог! Мне все кругом говорили, мать предупреждала: не женись! Зачем она тебе – больная? Многим ты нужна была? А я взял тебя! Пожалел! Против матери пошёл! И вот она, благодарность!

Аида ещё сильнее побледнела, закаменела лицом. «Сейчас заплачет!» – со злой радостью подумал Фанис. Но ошибся. Она не заплакала. Посидела так несколько мгновений, а потом сказала:

– Ты прав, мало кто на такой, как я, женился бы. Только знаешь что? Ты не давал мне ни на день забыть о своём благородстве и моём... изъяне. Не меня любил, а свой подвиг, самоотверженность свою! Так сильно любил, что мне порой до смерти тошно было!

– Как ты... Я же... я делал вид, что ничего особенного...

– Точнее не скажешь, – перебила она, – ты делал вид. А он в самом деле не замечает.

– Такое не заме-етишь, – протянул Фанис.

– Зачем уж так-то опускаться? – укоризненно сказала Аида.

– Ты зато сильно поднялась!

Он отчётливо понял: Аида уйдёт. Ещё немного – и исчезнет навсегда из его жизни. Формальности не помешают: не расписаны. Сошлись и всё. Он знал, что они, скорее всего, больше не увидятся, и не мог по-хорошему отпустить её. Было страшно остаться одному и хотелось наказать её, поскорее вылить из себя то, что клокотало в нём мутной жижей.

– Да я сам давно собирался тебя вышвырнуть отсюда, только совести не хватало! Куда, думаю, денется, инвалидка? Вот и терпел! Почему, думаешь, я с тобой отдыхать не ездил? И не ходили мы никуда? Приятно, что ли, по улице идти, когда все оглядываются? Шепчутся за спиной?

Это была неправда, не ездили и не ходили потому, что ему всегда было жалко тратить деньги, но в данную минуту это не имело значения.

– Вот ты считаешь, это у вас надолго! Вот тебе, видала? – Он размашистым жестом сунул ей в лицо сложенные кукишем толстые пальцы. Аида отшатнулась. Фанису стало легче, когда он увидел испуг и боль в её глазах. – Пускай разок пройдёт с тобой... Попробует! Тогда и скажешь, замечает или нет!

После он ещё долго говорил что-то, выхаркивал горькие, жалящие слова и видел, что больше уже ничем не может задеть Аиду. Всё равно как собака на короткой цепи лает, захлёбывается слюной, бросается вперёд, задыхаясь от беспомощной злобы. Может, и страшно, да только не обидно.

Опомнился, когда услышал хлопок: закрылась входная дверь. Не нарочито, не со страстью и гневом, а просто – мягко защёлкнулся английский замок, и они очутились по разные стороны...

Фанису показалось, что больше он ничего никогда не сумеет проговорить – так внутри всё пересохло. Однако зазвонил телефон, и он послушно дёрнулся в сторону аппарата, снял трубку, бросил своё всегдашнее:

– Алё, слушаю!

Звонила мать. Напоминала, что пора съездить к тётке, долго и обстоятельно говорила что-то про необходимость установить счётчики на воду, произносила ещё какие-то, несомненно, правильные и практичные вещи. Он терпеливо внимал, но слова матери словно произносились ею в другом звуковом диапазоне и не были доступны слуху. Правая рука затекла, и он переключил трубку в левую.

– ...Тебе говорю! Слышишь или

нет? Я с кем разговариваю? Фанис? – прорвался сквозь неведомые преграды материнский голос.

– Аида от меня ушла, – почти прошептал он, неожиданно для себя облекая в слова мысль, которая билась и билась изнутри о его черепную коробку, вызывая тупую, вязкую боль.

Сказал – и опустил трубку, разразившуюся воплями и стенаниями, на стеклянный телефонный столик. Знал, что скажет мать – он и сам говорил всё это какое-то время назад. Вышел на балкон и тяжело облокотился на низкую ажурную решётку. «Может, прыгнуть?» Мысль была идиотская: квартира находилась на втором этаже. Если и сиганёт, то, скорее всего, просто переломает ноги. Станет хромать, как Аида. Издевательство какое-то. Фарс.

Фанис впервые пожалел, что живёт так низко, так близко к земле. Стоило бы прыгнуть, но слишком коротким окажется полёт. Не хватит времени, чтобы испугаться и в страхе позабыть нелепую ситуацию, тягостный, бездарный финал. Сердце не успеет разорваться, и вся эта муть так и застрянет в нём.

Он стоял, вцепившись в перила, и напряжённо смотрел перед собой. Во дворе чинно сидели на лавках бабушки-пенсионерки, играли на детской площадке дети: качались на качелях, возились в песочнице, скатывались с ярких пластиковых горок. Маленький мальчик в красной панамке и коротких джинсовых штанишках подкидывал ввысь полосатый мяч и силился его поймать. Упрямый мяч не давался в руки, падал на землю, катился прочь. Малыш бежал за ним, догонял, сжимал пухлыми ручонками и снова бросал и бросал...

Может, у Аиды с этим её «человеком», преломившим их жизнь, тоже будут дети, подумалось Фанису. Как-то странно подумалось: тихо, без гнева. Глазам стало горячо, и всё вокруг по-

мутнело, сделалось расплывчатым и туманным.

– Улым! Фанис! Ты что делаешь, улым! Убьёшься! – надрывно закричала какая-то женщина.

Фанис вздрогнул и увидел, что по двору, размахивая руками, бежит мать. Она жила неподалёку и, видимо, бежала на помощь. Большое тело её колыхалось, волосы растрепались, лицо покраснело, юбка съехала набок. Грузная, одышливая, она с трудом переводила дыхание, но не сбавляла шага, не желала останавливаться.

Сейчас добежит до подъезда, взберётся по лестнице, откроет дверь своим ключом, топая, как боевой слон, ворвётся в комнату и примется голосить «а ведь я тебе говорила!» и «я знала, что этим всё и кончится». Потом ринется к аптечке, начнёт рыться в ней, судорожно перебирая обильно окольцованными пальцами тюбики, пузырьки и флаконы, накапает себе пахучих «успокоительных» капель. Потом усядется рядом со стаканом в руке, станет рыдать и убеждать своего «улымчика» как ему повезло, что вовремя избавился от «этой шайтанки»...

– Нельзя так стоять! Упадёшь! – не унималась мать и почему-то вдруг свернула на детскую площадку.

Фанис удивлённо моргнул и тут, наконец, заметил, что полная женщина – вовсе не его мать. Она подскочила к горке, на вершине которой стоял карапуз в зелёной маечке, и потащила ребёнка вниз. Тот брыкался, возмущённо вопил, крепко вцепившись в перильца.

Фанису внезапно тоже захотелось закричать, заорать на весь двор, на весь мир – огромный мир, которому нет никакого дела до его перевернутой жизни. Но сил хватило только слабо махнуть рукой, повернуться спиной ко двору, небу, лету, детям на площадке и скрыться в пустой квартире.

Мымра

108

два рассказа

Топлёное молоко в бутылке, половинка ржаного хлеба, овсяное печенье с изюмом, пакет сметаны... «И зачем столько набрала? Всё равно не съем», – запоздало думала Маргарита, стоя возле кассы.

На вечер была запланирована куча дел: пересадить цветы, прибраться в квартире, погладить бельё, вымыть полы и покончить с собой. Для осуществления последнего пункта она купила сильнодействующий успокаивающий препарат, который должен легко, быстро и безболезненно переправить её на другой берег.

Как-то раз Маргарита услышала одну историю – может, даже правдивую. У некоего мужчины с самого утра не задался день: он разбил машину, узнал, что ему изменяет жена, потерял работу. Но держался. А потом пришёл домой, стал снимать рубашку и увидел, что пуговица на рукаве оторвалась. Увидел – пошёл и повесился. Злополучная пуговица стала последней каплей.

У Маргариты тоже была своя «пуговица». Вчера ей исполнилось двадцать семь, но она не получила ни одного поздравления. Ни единого! А ведь те, кому ты важен и дорог, ни за что не забудут тебя поздравить. На худой конец, отыщутся желающие поесть и выпить по такому поводу. Однако в её случае не нашлось и таковых.

Само появление Маргариты на свет было досадным и нелепым фактом. К моменту её рождения у родителей имелись четырёхлетний сын и двухлетняя дочь. Как говорится, полный комплект. Сильно выпивший на праздник и утративший контроль отец, бесшабашно выполненный в «опасный» день супружеский долг плюс нежелание матери брать грех на душу и делать аборт – вот три кита, на которых покоилось Маргаритино рождение. Оно было настолько неожиданным, что в маминых взглядах, брошенных на младшую дочь, нет-нет

да проскальзывало лёгкое недоумение: что здесь делает эта девочка?!

Будь она способным, красивым, умным и жизнерадостным ребёнком, ей бы, разумеется, простили беспардонное вторжение в полностью укомплектованную семью. Но нектати появившаяся Маргарита была тем самым «уродом», без которого вполне можно обойтись. Даже имя – прекрасное, звучное, гордое – применительно к ней превращалось в набор мыркающих и гыркающих слогов. Для дворовых ребятишек и одноклассников оно быстро выродилось в Мымру.

В кого она такая? Непонятно. Родители – люди выдающиеся. Отец – высоченный красавец-мужчина, брюнет и атлет, наделённый кипучей энергией и жизненной силой. В их небольшом городке он без особых усилий мог любого перепить, переест, переорать, перебить, переплюнуть. Однажды в январе, будучи сильно «в изумлении», папа выпал с балкона пятого этажа, куда вышел покурить. Свалился в глубокий сугроб под окнами, пришёл в себя, отряхнулся и поднялся обратно в квартиру. Когда мать увидела его на пороге, в одних трусах, босого, мокрого и злого, то едва не упала в обморок. Но валяться без сознания было некогда, потому что глава семьи грозно потребовал стакан водки и закусить. Всё же не каждый день с балкона летаешь – нервы тоже не железные. Получив требуемое, папа отправился спать. А утром был как огурчик!

Мама Маргариты отличалась пытливым умом и разнообразными талантами. Вся квартира была увешена вышивками, на которых она, с каждым разом совершенствуясь, изображала игривых котят и сельские пейзажи. Помимо этого мама пела, умела переводить через кальку и разукрашивать картины (многие считали, что получается лучше, чем в оригинале) и рассказывала детям

на ночь сказки собственного сочинения. Главной героиней выступала послушная и скромная девочка Леся, которая попеременно повторяла нелёгкую судьбу то Красной Шапочки, то Золушки, то Белоснежки. Как и в случае с калькой, зачастую первоисточник проигрывал маминому изложению.

К тому же мама занималась растениеводством: выращивала на подоконнике фиалки, герани и аспарагусы. Как-то в руки ей попала книга «Цитрусовый сад в квартире», и она загорелась идеей лимонной плантации. Но, как ни билась, ничего не выходило: вместо южного красавца из земли торчало нечто болезненное, чахлое, хилое.

– Глупая книжонка! – вынесла вердикт мама, зашвырнула трактат на полку, а горшок с полумёртвым отростком – на балкон.

Маргарите стало жалко недороженного лимона. Она потихоньку от мамы проштудировала брошюру и принялась выхаживать убогое растение. Приблизительно через полгода на её подоконнике зацвело раскидистое деревце. А ещё через некоторое время на ветках появились три крупных плода.

Мама немедленно перетащила лимон в гостиную, и на дне её рождения гости дружно восхищались удивительным достижением, приговаривая, что талантливый человек талантлив во всём.

Старшие дети удались под статью родителям. Миша – сильный и спортивный, Марина – красивая и одарённая. И только Маргарита... Взять хотя бы внешность. Это же одно сплошное «но»! Рост высокий, но долговязая, сутулая и неуклюжая. Ноги длинные, но Х-образные, с толстыми лодыжками. Фигура вроде бы ничего, талия какая-никакая имеется, живот не торчит, но ни груди, ни попы – унылое плоское пространство.

А уж лицо просто некрасивое, безо всяких «но». Круглый лоб и круглые глаза почти без ресниц и бровей. Рот – не губы, а именно рот, функциональное приспособление для поглощения еды,

пищеприёмник – узкий, щелеобразный, неприметный. И над всем этим великолепием нависает нос. Огромный, как у птицы-тукана. Но у той хоть оперение яркое...

Тихая, замкнутая, необщительная Маргарита не умела обзаводиться друзьями. К тому же была на редкость молчалива: в детстве сильно заикалась, а потом, видимо, просто отвыкла разговаривать. Поэтому в школе все устные предметы давались ей из рук вон плохо. В голове мысли были чёткими и стройными, а при попытке высказать их получалась полная каша. Но известно же, кто ясно мыслит, тот ясно излагает! Маргарита не могла ничего изложить, а разбираться, почему так происходит, учителям было недосуг. Что касается точных наук, то тут девочка делала определённые успехи, но они почему-то оставались незамеченными.

Втайне ото всех Маргарита сочиняла стихи и записывала их в толстую коричневую тетрадку. Когда тетрадка почти заполнилась, сестра Марина нашла стихи, перепечатала самые лучшие, на её взгляд, и послала в местную молодёжную газету, поставив свою подпись.

Стихи приняли и напечатали. «Маринино» дарование стало достоянием общественности. Учительница по литературе сразу поставила ей пятерку за год. Директор школы вручила родителям грамоту за успехи в воспитании. Мама прослезилась и сказала, что это у Мариночки от неё.

Маргарита доказать своё авторство не смогла, потому что коричневую тетрадку сестра предусмотрительно порвала и выбросила. А на слово Мымре никто бы не поверил – и пытаться нечего. Больше стихов она не писала.

С той же Мариной был связан и ещё один случай. Старшая сестра училась в художественной школе. Ей там «ставили руку», как говорила мама, и развивали безусловный, опять-таки доставшийся по наследству талант. Однако, несмотря на исключительные врождённые способности, училась Марина средне. До определённого момента. Мама всё

ждала, что «девочка раскроется». Она и раскрылась.

Однажды Марина оставила на столе карандашный набросок, который ей велели поправить. Маргарита долго смотрела на сестрино художество, а потом взялась за карандаш. Марине не слишком хотелось возиться самой, поэтому она взяла переделанный набросок и отнесла в школу.

На следующий день учитель вызвал маму в школу и строго попенял, что родителям запрещено помогать ученикам. Мама абсолютно искренне заверила педагога, что и пальцем не трогала дочерины рисунки. Тогда учитель заявил, что у девочки дар, который нужно развивать. Просто, видимо, в школе ей сложно сосредоточиться.

В результате Марину дома окончательно признали гением и купили новое платье. Никто и подумать не мог, что руку к рисунку приложила бестолковая Мымра. Марина с тех пор регулярно просила сестрёнку довести свои творения до ума, и репутация её крепла. Почему Маргарита помогала ей, она и сама толком не понимала. Но в итоге «художку» сёстры закончили практически вдвоём.

После школы спортивный Миша продолжил баскетбольную карьеру. Сейчас он жил в Казани и работал тренером. Звезды большого спорта из него не вышло. Как говорил папа, вокруг слишком много завистников. Зато теперь, всячески подчёркивала мама, он все свои силы и способности отдаёт на обучение детей. А это так благородно!

Красивая и талантливая Марина была отчислена уже со второго курса столичной художественной академии. Ей тоже помешали завистники. Однако красота осталась при ней, и вскоре Марина вышла замуж за испанца по имени Федерико и уехала к мужу.

Как раз сейчас родители и брат гостили у них в Испании. Перед отъездом мама позвонила и сказала, что в день рождения они не будут её поздравлять – это слишком дорого. Маргарита хотела заметить, что поговорить вполне можно

и по скайпу, а это вообще бесплатно, но, по обыкновению, промолчала.

После школы она тоже собиралась пойти в вуз. Ей очень хотелось стать дизайнером одежды. Но мама и папа посмотрели на младшую дочь с таким искренним весёлым удивлением, что Маргарита передумала и пошла в швейное училище. А после устроилась на чулочно-носочную фабрику, которая была в их городке. Здесь она работала и по сей день. Однако начав самостоятельно зарабатывать и съехав от родителей в съёмную квартиру, поступила таки в институт, на заочное отделение факультета лёгкой промышленности. И как раз три месяца назад получила диплом о высшем образовании с тройками по большинству предметов.

На выпускном вечере новоявленные модельеры традиционно презентовали публике туалеты собственноручного изготовления. Маргарита по своим эскизам скроила и шила вечернее платье, брючный костюм и юбку с жакетом. Причём пользовалась не обычными тканями: пару лет назад она увлеклась батиком – росписью красками по шёлку.

В Маргаритиных нарядах должна была дефилировать молодая преподавательница Евгения Васильевна Сорокина: на её идеальную фигуру всё и шилось. Эскизы и модели Маргарита оставила на кафедре, а когда зашла туда за несколько дней до выпускного, выяснилось, что их нет.

Секрет загадочного исчезновения раскрыла лаборантка Наташа: она случайно видела, как Сорокина забирала модели.

– Зачем они ей? – удивилась Маргарита.

– Слушай, ты прямо блаженная какая-то! – с брезгливым недоумением протянула востроносая лаборантка. – В Московской Студии Моды конкурс молодых модельеров проходит. Кто выиграет, того возьмут на работу. В саму Москву!

Наташа мечтательно воззрилась на потолок, не забывая, однако, цепко наблюдать за реакцией обворованной Мымры.

– Что же она свои не взяла? – озадаченно спросила та.

– Правда не понимаешь или прикидываешься? – хохотнула лаборантка. – Да в том, что Сорокина нарисует, мусор выносить не пойдёшь!

– Но это же, – запнулась Маргарита, подбирая слова, – подло.

– Ну, так-то да! – весело согласилась Наташа. На Маргариту она смотрела как на забавного зверька. – Но с другой стороны, ты бы их туда повезла? Нет. А Евгеша не захотела упускать шанс.

В её словах, конечно, был резон. Маргарита не знала, что ещё сказать, и повернулась, чтобы уйти.

– Эй, погоди! – окликнула её лаборантка. – Ты что же, так всё и оставишь? И жаловаться не будешь? Декану там, или ректору?

Маргарита хотела объяснить ей, что доказывать своё авторство в её случае – дело трудное и заведомо провальное. Сорокина наверняка как-то подстраховалась, к тому же она ассистент кафедры, молодой перспективный преподаватель, пишет диссертацию, на хорошем счету в институте. Кому поверят – ей, умнице и красавице, или заочнице-троечнице с невразумительной внешностью, которая двух слов не связывает? Ещё Маргарита могла бы добавить: чтобы добиться победы, видимо, мало быть правым. Нужно ещё отрастить когти, зубы, броню и хвост с шипами для убедительного доказывания своей правоты.

Вместо всего этого Маргарита коротко ответила:

– Нет. Не буду. – И вышла, забыв попрощаться.

Лаборантка Наташа пару секунд смотрела ей вслед, покрутила пальцем у виска, сказала:

– Лохов не сеют и не пашут, они сами родятся. Такую грех не развести! – И снова уткнулась в свои бумажки.

...Маргарита закончила дела только ближе к половине десятого. Она не тянула время, просто пришлось прерваться на полчаса: в двадцать часов начинался сериал «Медики». Маргари-

та его обожала, не пропускала ни одной серии. Если ей и жалко было с чем-то расставаться, так это с «Медиками».

Приняв ванну, Маргарита села на диван, крепко сжимая в руках белый пластиковый пузырёк с лекарством. На столике перед ней стоял стакан с водой. Пора начинать. Маргарита сделала глубокий вдох и решительно отвернула крышку.

И в этот момент зазвонил телефон.

«Помереть спокойно не дадут», – не без иронии подумала она. Брать или нет? Номер незнакомый. Скорее всего, кто-то просто ошибся. Пока раздумывала, телефон замолчал. Тишина показалась ей резкой и пронзительной. Маргарита перевела дух и вновь взялась за крышку.

Телефон зазвонил снова. На этот раз она решила ответить. Мало ли, что нужно звонящему? Ни к чему оставлять незавершённые дела.

– Да? – неуверенно произнесла она.

– Маргарита? Это ты? – отозвался женский голос. Интонации странные: одновременно заискивающие, виноватые, и вызывающие, требовательные. Как будто человек ещё не определился, как себя вести.

– Я.

– Не узнала? Это Евгения Сорокина. В смысле, Евгения Васильевна. Вспомнила?

– Вспомнила, – ответила Маргарита.

– Я тебя не отвлекаю? – Сорокина, видимо, никак не могла начать разговор.

– Немного, – усмехнулась Маргарита, продолжая вертеть в руках пузырёк с капсулами.

– Я не надолго, – засуетилась Евгения, – мне просто нужно... Ну... я взяла твои модели на конкурс. В Москву. Оттуда и звоню. Из Москвы.

Выговорив это, она замолчала, ожидая реакции.

– Знаю. Мне сказали, – спокойно сказала Маргарита.

– Сказали? Кто? Наверное... Ладно,

неважно! – прервала собственные умо- заключения Сорокина. – То есть ты всё знаешь. Тем лучше.

– Для кого?

– Маргариточка, ты такие странные вопросы задаёшь, – нервно хохотнула Евгения. – Я просто хотела сказать, что... Короче, твои модели заняли первое место, – выпалила она.

– Первое... место? – запинаясь, переспросила потрясённая Маргарита.

– Да! Видишь, как всё здорово? Прямо не верится! – воскликнула Сорокина. – Послушай, возможно, я поступила не очень хорошо, но...

– «Возможно»?! Вы даже не сомневайтесь!

– Хорошо, хорошо, – примирительно проговорила Сорокина, – это был плохой поступок. Я должна была предупредить тебя.

– Вы не должны были их брать!

– Ты права, но что сделано, то сделано.

– Зачем вы звоните? Чтобы я вас поздравила?

– Послушай, давай поговорим, как взрослые люди. У меня к тебе предложение. – Сорокина говорила торопливо, видимо, боялась, что её прервут. – Мне как победителю... в общем, они предложили мне не просто работать у них в Студии, а выпустить линию одежды. Им понравились дизайнерские решения. И ткани.

– От меня-то вам что нужно? – тихо спросила Маргарита.

Приободрённая тем, что разговор вырлился в деловое русло, Сорокина откашлялась и заявила:

– Твои эскизы. Всё, что есть! Насчёт тканей я что-нибудь придумаю. Пока главное – сами модели.

– А потом как? Нужно же будет постоянно делать что-то новое?

– Про потом подумаю потом, – беспечно отмахнулась Евгения. – Так можешь? Разумеется, я заплачу. Останешься довольна, обещаю! Тебе же нужны деньги?

Маргарита молчала. Сорокина рас-

ценила её молчание как согласие. Она заговорила увереннее, в голосе зазвучали солидные хозяйские нотки:

– Тебе в Москве появляться незначем, приеду сама и всё заберу. О цене договоримся на месте. Могу приехать уже завтра, ближе к вечеру. Позвоню, скажешь, куда подойти.

Маргарита по-прежнему не говорила ни слова. Сорокина забеспокоилась:

– Так мы договорились? Мне стоит возвращаться за эскизами?

– Стоит. Возвращайтесь, – нарушила наконец молчание Маргарита. И отключила телефон.

Минут пятнадцать сидела, глядя в одну точку на вытертом облезлом паласе. Потом залпом выпила стоящий перед ней стакан воды, тряхнула головой и громко сказала:

– Всё, Мырма! Пора. Зажилась.

Пузырёк с капсулами всё так же был зажат в правой руке. Она встала и прошла в туалет. Открутила крышку, высыпала белые пульки в унитаз и спустила воду.

Потом сделала ещё три важные вещи.

Во-первых, позвонила квартирной хозяйке и предупредила, что завтра съезжает. Хозяйка была хорошая пожилая женщина, тоже одинокая. Маргарита решила оставить ей свои цветы в подарок. А себе она новые вырастит.

Во-вторых, уложила в потрёпанную синюю сумку немногочисленные пожитки и, самое главное, альбомы и тетради с эскизами и образцами тканей.

А в-третьих, узнала расписание поездов до Москвы и заказала билет на завтрашний вечер. Теперь до отъезда ей оставалось только сходить утром на фабрику и уволиться.

Можно было, конечно, просто взять отпуск. И квартиру оставить за собой – на всякий случай. Но Маргарита специально решила сжечь все мосты. Для человека, который ушёл из этой жизни, должна оставаться только одна дорога – в жизнь другую. Чтоб уж как в старом анекдоте: умерла, так умерла.